
УДК 81'1

ББК 81.0

П 58

Попова В.Б.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Академии маркетинга и социально-информационных технологий, e-mail: v.kiy@bk.ru

**Категориальный диссонанс в трактовке
дихотомии определенность / неопределенность
(Рецензирована)**

Аннотация:

Анализируется содержание категории определенности/неопределенности, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре. Указано на необходимость разграничения этих понятий как знакомство с референтом, его индивидуализирующими характеристиками и как исчисление границ предмета речи: еще исчисляемых, вариативных характеристик (неопределенный артикль), уже исчисленных (определенный), без их обязательной конкретизации.

Ключевые слова:

Определенность / неопределенность, референция, артикль, общее / особенное в сигнификативном значении слова, денотат, актуализированное имя.

Popova V.B.

Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Philology Department, Academy of Marketing and Social-Information Technologies, e-mail: v.kiy@bk.ru

**Categorical dissonance in treatment
of a definiteness / indefiniteness dichotomy**

Abstract:

An analysis is made of the content of the category of definiteness and indefiniteness given in the Linguistic encyclopedic dictionary. The author shows that it is necessary to differentiate the concepts of definiteness / indefiniteness like acquaintance to the reviewer, his individualizing characteristics and like calculation of borders of a subject of speech: still estimated, variative characteristics (indefinite article) and already estimated (definite), without their obligatory specification.

Keywords:

Definiteness / indefiniteness, reference, article, general / special in a significative word meaning, denotatum, the actualized name.

В современной лингвистике смыслы, их взаимодействие, когнитивный подход к исследованию языка и речи – в центре внимания исследователей. Актуальность этой методологии, ее эффективность и результативность проявляются в лингвистических исследованиях различных уровней языка и речи. Так, например, в словообразовании рассматриваются логико-семантические про-

цессы при образовании дериватов [1]; на уровне предложения выделяют его композиционно-смысловые типы [2]; на уровне стилистического анализа текста – принимаются во внимание когнитивное намерение, концепт, сценарий [3]. Рассмотрим в данном ракурсе также категорию определенности/неопределенности, сопоставляя смыслы, которые иерархически выстраиваются в артиклевых языках, при использовании артиклей, и трактовку этой категории для безартиклевого языка (например, русского) – а также соответствующие статьи Лингвистического энциклопедического словаря [4: 349].

Дихотомия определенность / неопределенность в артиклевом языке – не то же самое, что фонд конкретного знания вариативных признаков предмета, которые известны или неизвестны говорящему. Это сама направленность мысли на устойчивое / вариативное в гносеологических рамках континуально-дискретного познаваемого мира – как, каким образом исчисляется предмет мысли или единичное? Как уже исчисленное, то есть определенное в своих понятийных границах (определенный артикль), или еще исчисляемое – то есть границы распространения понятия исчисляются здесь и сейчас (неопределенный артикль)? В каком виде всеобщей связи представляет говорящий выделенное единичное? И, следовательно, каковы его особенные признаки? Нужно ли их учитывать? Таким образом, знание слушающим конкретного особенного, закрепленного за актуализированным понятием, акцентируемое в указанной статье как прагматический фактор, имеет значение частного случая проявления особенного признака предмета, это частное проявление невариативности, или одновариативности. Незнание же индивидуальных признаков – вариант поливариативности, выражаемой неопределенным артиклем. Однако не всегда это незнание слушающий ощущает как дискомфорт. В свою очередь, это зависит от динамики

повествования, буквально скорости, понимаемой здесь как количество, объем новых, пунктирно указываемых событий, предметов и лиц. На них адресант не хотел бы заострять, концентрировать внимание реципиента, авторская интенция в этом случае – удержаться в рамках уже исчисленного единичного, предмета высказывания в контексте общего замысла. Имена, маркированные неопределенным артиклем, в этом случае воссоздают полноту общей картины как дополнительные детали в ее рамках или за ее пределами.

Традиционно фонд конкретизирующих, идентифицирующих знаний об особенном увязывается с прагматикой. «Прагматический фактор действует преимущественно в сфере конкретной референции, относящей именное выражение к фиксированным предметам, индивидам. Конкретная референция опирается на пресуппозицию существования объекта» [4: 411]. Например, интродуктивная референция – когда речь идет о предмете, известном только говорящему: «*Есть у меня один приятель*»; идентифицирующая референция – когда речь идет об объекте, известном как говорящему, так и адресату: «*Этот ребенок никого не слушает*»; неопределенная референция – когда речь идет об объекте, не входящем в фонд знаний собеседников: «*Пётр женился на какой-то студентке*». Такое рассмотрение особенного, как видно, предполагает факт личного знакомства с конкретным объектом. Прагматика употребления артикля предполагает знание иного рода: не конкретизирующих признаков, которые могут быть переменными, а общих, невариативных.

В объективном мире нет определенности или неопределенности. Это – гносеологические понятия. Фонд систематизированных знаний собеседников формируется их жизненным опытом и соотносится со словом родного языка, поэтому нет объектов, которые, будучи названными кем-либо из собеседников,

являются абсолютно неизвестными. Исключение составляет речь взрослого и ребенка, учителя и ученика в широком смысле; во втором случае имеем в виду разный уровень компетенции, включающий например, владение терминологией. Неизвестными могут быть только особенные, но не сущностные характеристики объектов. Каждый именуемый объект, если мы имеем в виду не конкретный предмет, а его образ - понятие (даже вне конкретизации объема денотативного ряда), в большей или меньшей степени «известен» говорящему. И знание такого рода имеется не только в отношении именования конкретных предметов, но и абстрактных явлений – «борьба», «власть».

Речь всегда имеет адресата, реального или предполагаемого. Он же – интерпретатор полученного высказывания. Говорящему важно быть правильно, однозначно понятым. Инструментом, одним из средств, обеспечивающих однозначность коммуникации, является артикль. Прагматический эффект употребления артикля, с нашей точки зрения, заключается в том, как, в соответствии с интенцией говорящего, слушающий воспринимает информации в отношении исчисляемого единичного: как достаточную (определенный артикль – особенное проявлено и учитывается), недостаточную, неполную (неопределенный – особенное не проявлено) или избыточно-полную (нулевой, комплекс общее + особенное). В последнем из описываемых вариантов актуализации сигнификативного значения (маркировка нулем) предполагается доминирование общего, особенное учитывается во всей возможной полноте, учитывается как комплекс, но «берётся в скобки» как величина непроявленная. В семантическом плане это также может означать некую схему, нуждающуюся в более детальном рассмотрении, также может пониматься как обозначенное ядро высказывания - текста, тема-гипероним, которая будет разворачиваться по мере

разворачивания высказывания. Таким образом, общее и особенное присуще не только сигнификативному значению слова; оно присуще тексту, как развернутому воплощению какой-либо мысли, типового сценария. Выстраивается иерархия смыслов, демонстрируемая артиклем, учитывающая антиномии часть/целое, целостное.

Однако показанное выше многообразие связей не учитывается в актуальной на сегодняшний день дефиниции дихотомии определенности / неопределенности. Так, в лингвистическом энциклопедическом словаре постулируется, что функцией категории определенности / неопределенности является «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность), либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменам (неопределенность)» [4: 349].

Данная формулировка в части, относящейся к определенности, не учитывает, например, генерализацию через определенный артикль. Формулировка является верной не в отношении имени, а в отношении обозначаемого именем понятия, референта, которому можно было бы дать и другое имя средствами языка, что мы наблюдаем через систему кореферентов в тексте. В вариативности заключается жизнеспособность языка, его творческий потенциал. Имя, соотносимое с референтом, в принципе не может быть единственным, например, с учетом таких стилистических приемов, как метафора.

Размытой в смысловом отношении представляется часть дефиниции в отношении неопределенности: «выражение его (имени) отношения к классу подобных ему феноменов». Подобных чему? Имени? На каком основании строится подобие? Если, по всей видимости, автор имел в виду не имя, а предмет, то единственность в описываемой ситуации не исключает отношения к классу подобных феноменов. Имя нарицательное в един-

ственном числе в предложении «*Это стол*» будет употреблено в испанском, немецком, французском, английском языках с неопределенным артиклем. Однако перед говорящим в этом случае существует единственный в своем роде стол, говорящий сознательно не останавливается на особенных признаках этого стола.

В этом смысле неточной представляется формулировка о типах артиклей: «различают... определенный артикль, указывающий на известный, выделенный из класса подобных предмет, выполняющий функцию референции к действительности вне текста и анафористическую функцию в тексте, и неопределенный артикль, указывающий на некий невыделенный предмет как представитель класса подобных предметов» [4: 45].

Нам представляется, что и определенный, и неопределенный артикль в единственном числе выделяют предмет как рассматриваемое говорящим единичное, и оба артикля выполняют в этом случае функцию референции к действительности вне текста. Что касается текста как смыслового целого, то можно понимать анафорическую функцию более широко, безотносительно к такому линейному расположению элементов, как постпозиция. Оба артикля – и определенный, и неопределенный – могут иметь значение «отсылающий к другому», только действуют разнонаправленно: неопределенный – линейно предшествующий, определенный – занимающий постпозицию в отношении кореферентов или являющийся прямым указанием на повтор той же лексемы, хотя возможны и другие варианты чередований.

Проведенные нами исследования показали, что определенный артикль и нулевой, приблизительно на паритетных основаниях, начинают текст как смысловое целое. Крайне редко, как исключение, используется неопределенный артикль. В практике создания текста крайне мало примеров зачинов сказок, тиражируемых

в исследованиях и учебниках, типа «*Жил-был король*» или классифицирующих предложений модели «*Это X. X такой-то*». Реальные тексты базируются на типовых ситуациях и типовой их оценке. Таким образом, мы говорим об известном, немного варьируя смысловое содержание. Это приводит к преобладанию имен, маркированных определенным и нулевыми типами артикля, приблизительно по 40% на каждый тип, согласно нашим статистическим исследованиям. Около 8% приходится на неопределенный артикль, и около 12 % - на прочие сопроводители имени, в том числе отрицание (пустое множество), в большей степени - на имена притяжательные, а также указательные и неопределенно-личные, определительные местоимения, близкие в некоторой части по функциям артиклям, числительные.

Положение статьи «неопределенные имена начинают текст» прямо противоречит практике употребления неопределенного артикля в тексте. Сравним, например, начало повествования оригинального текста и его перевода на русский язык Дж. Гришема «Фирма». Имя нарицательное в первом предложении текста, имеющее позицию субъекта и маркированное определенным артиклем, в переводе имеет в качестве эквивалента имя собственное (маркированное нулем), которое в тексте оригинала появляется лишь в пятидесятом предложении, начале девятого абзаца [5: 3]. То есть потенциал начала текста у нулевого артикля, исчисляющего сложное композиционное целое, и у определенного артикля – одинаков. И переводчик, будучи сильной языковой личностью, с развитым чувством языка и интуицией, воспользовался синонимическим потенциалом нулевого артикля и антропонима в отношении зачина. Неопределенные имена появляются в рамках уже определенных автором текстовых ситуаций, продолжая повествование и способствуя развитию сюжета, вводя новые персонажи и события, обозначаемые пунктирно,

за рамками ситуации, без их дальнейшей подробной характеристики, или внутри ситуации, но достаточно нетривиальные. В аспекте философских категорий общего и особенного, понимаемых нами как базис нашего теоретизирования, это логично, так как неопределенный артикль указывает на отсутствие установленных особенных характеристик, он их устанавливает, демонстрируя вариативность. Например, «*Das Fußballspiel hat plötzlich einen unerwarteten Verlauf vorgenommen*» (неопределенный артикль) / «Футбольный матч вдруг получил неожиданное развитие» (перевод наш – В. П.). Но: «*Trotz des Gewitters hat das Fußballspiel den geplanten Verlauf genommen*» / «Несмотря на грозу, футбольный матч получил запланированное развитие» (определенный артикль) [6: 89]. Перевод выполнен нами с элементами калькирования немецкого предложения, с тем чтобы более явно показать место и роль артикля в цитируемых образцах (то есть для второго предложения возможны варианты перевода: «Гроза не повлияла на исход матча» / «Несмотря на грозу, игра продолжалась»). Обратим внимание и на лексику, сопутствующую обособлению смысла: «вдруг», «несмотря на».

Начало повествования с употреблением имени, маркированного определенным артиклем, является стилистическим приемом: активизируются знания получателя информации о называемом предмете и либо являются достаточными и одновариантными, либо нет, что еще более активно ориентирует читателя (слушателя) на поиск особенного. Последнее характерно для названий художественных произведений. Например, наименование бестселлера Дж. Гришема «Фирма» в переводе на артиклевые языки (английский, немецкий) переведено с определенным артиклем «*The Firm*» [7], «*Die Firma*» [8]. С одной стороны, проявленный признак налицо: референт «данная книга» (в руках у читателя) именуется «Фирма», то есть основная тема – описание фирмы: так ка-

кова она (кроме того, что известно о любой фирме, сигнификате понятия «фирма»)? Продвижение сюжетной линии связано с тема-рематическим членением предложения также и в том смысле, что тема является подтемой развиваемой общей темы. Подтема и тема, как данное или известное, соотносятся с определенностью или одновариантностью особенного, что способствует стабильности (стагнации) повествования. Рема как новое, впервые упоминаемое, соотносится не только с неопределенностью особенных характеристик (вариативностью) предмета речи, но и с планируемыми, ожидаемыми характеристиками. Связность повествования, как известно, обеспечивается кореферентностью имен, описывающих разные свойства одного и того же референта, и, соответственно, именующих его по-разному. Единичной референцией, демонстрируемой отсутствием артикля в большинстве артиклевых языков, обладают имена собственные, маркирующие уникальность, единственность референта и в данной ситуации и вне её. Демонстрируется сложность или невозможность, а также ненужность выделения в референте общего и особенного как отдельных взаимодействующих понятийных сфер.

В цитируемой выше статье энциклопедического лингвистического словаря смешиваются, без их разграничения два понятия: определенность / неопределенность как знакомство с референтом, фонд индивидуализирующих его характеристик, и – определенность / неопределенность, собственно текстовая, как исчисление границ предмета речи: еще исчисляемых, вариативных, (неопределенный артикль), уже исчисленных (определенный), без их обязательной конкретизации. Смешение этих понятий приводит к тому, что часть примеров статьи, ранжируемых как репрезентация в русском языке категории определенности / неопределенности, а именно указание / неуказание вариативных особенных ха-

рактистик понятия как явления конкретизации не совпадают с проявлением текстовой определенности / неопределенности в артиклевом языке как демонстрации процесса их определения: уже состоявшегося / еще продолжающегося. Факт конкретизации особенного, индивидуализация не принципиальна. Определенность и неопределенность соотносятся как определенное и определяемое в рамках смыслового пространственного континуума, отражающего ситуацию речи. В связи с этим для артиклевого языка постановка следующего вопроса не является дискуссионной – «являются ли определенность и неопределенность членами одной оппозиции или возможно их раздельное существование в языке» [4: 349].

В случае текстовой определенности / неопределенности, демонстрируемой типом артикля, очевидно, что элементы этой дихотомии являются членами одной оппозиции – они определяют общее в единичном плюс или минус вариативность особенного. Как одновариантность для случаев, маркированных определенным артиклем, как поливариативность (непроявленная или проявляемая в одном из своих вариантов), вариативность – для случаев с неопределенным артиклем, как инвариант – комплекс вариативных признаков в целом – для нулевого сопроводителя. Определенность есть указание на одновариантность (невариативность) общего, то есть указание на проявленное особенное и ограничение количества денотатов, которое может быть представлено, прежде всего, как единица-элемент с характеристикой «один такой», как ряд с характеристикой «эти, такие именно», как высший класс с характеристикой «все такие». Неопределенность есть указание на сущностные признаки предмета в первую очередь, на наличие особенных признаков без их уточнения (вариативность) или указание на их проявление в одном из возможных вариантов. Неопределенность – это скорее определенность в сущностном или типизация:

«один, в известной мере такой» или «некоторые, в основном такие» или «некоторое количество в основном таких», причём для множественного числа количественная характеристика не определяется однозначно, фиксировано. При таком понимании категория определенности приближается к философской: «Определенность – ... четкое отображение присущих предмету, явлению признаков», «определенный – точно и твердо установленный, обозначенный, конкретный; явный, отчётливый, явственный, чёткий» [9: 412].

Определенность и неопределенность, или одновариантность и (поли) вариативность, как проявление философских категорий общего и особенного в выделенном сознанием говорящего единичном, характерны и для безартиклевых языков (русского). Вариативность (неопределенность) или невариативность (определенность) может быть выражена порядком слов, причём конечная позиция обычно маркирует неопределённость, неконечная – определённость, что в русском языке, в свою очередь, обусловлено тема-рематическим членением предложения. Сравним, «*Он отдал жене подарок*», (неопределенность особенного в отношении подарка) – «*Он отдал подарок жене*» (определенность особенного); «*Вот очки!*» (которые ты искал) – определенность выражена фразовым ударением; «*Только старуха ничего не знала*». Наречие «только» в семантическом плане – но только указание, но и выражение ограничения, предела (что соотносимо с условиями употребления определенного артикля) [4: 349].

Таким образом, в перечисленных примерах выражение категории определенности / неопределенности соотносится с ее формальным выражением определенным / неопределенными типами артикля в артиклевом языке. Условно можно назвать эти случаи текстовой или «артиклевой» определенностью / неопределенностью, в отличие от индивидуализирующей, примером которой можно рассматривать

«Еще тарелочку!». Комментарий к нему – «неопределенное имя» - вызывает сомнения во всех смыслах. В немецком выражение «еще + имя нарицательное» как мера никак не соотносится с неопределенным артиклем, это числительное «один» в качестве сопроводителя имени. А в смысле конкретизации в рамках текста понятно в смысловом отношении, о каком содержимом тарелки или иного предмета в качестве единицы измерения идет речь: «*Nochein Glas (Bier)!*» - «Еще бокал / кружку (пива)!» Возможно продолжение ряда количественных числительных: *два / три пива* и так далее. «Вот книга», с комментарием «неопределенное имя», без какого-либо расширенного контекста также не подлежит классифицированию. Далее приводим цитату полностью: «Однако самым сильным средством выражения определённости - неопределенности является контекст. В высказывании «*Женщина купила книгу*», если оно находится в абсолютном, интродуктивном начале, оба имени могут быть неопределенными, но если это же высказывание находится в середине текста, оба имени могут быть определёнными». На самом деле, в аспекте артиклевой определенности, существительное «женщина» с большой долей вероятности будет употреблено в интродуктивной фразе с определённым артиклем, а «книга» – с неопределенным или определённым. Эта фраза не может быть употреблена в абсолютном, интродуктивном начале с двумя неопределенными артиклями: целостность текста, смысловое пространство разделилось бы на два исчисляемых пространства в рамках одного смыслового континуума (предложения), что не позволяет начать связный текст. В

середине текста эта же фраза может ассоциироваться с определённой, а может, и нет: «*Какая-то женщина купила (эту) книгу*», «*Женщина купила (какую-то) книгу*» и, наконец, «*(эта) Женщина купила (эту) книгу*». «Середина текста» здесь ни при чем. Дело в том, какой тип вариативности особенного изберет говорящий, в зависимости от описываемой им ситуации и, соответственно, избираемого им контекста и его реализации языковыми средствами. Далее, по тексту статьи: «Определенности – неопределенности категория может распространяться на высказывание в целом: например, определены «*Вот мчится тройка удалая*», «*Вон бежит знакомый мальчик*» и др. Средства их актуализации – дейктические частицы, порядок слов». Напротив, в немецком языке и слово «*тройка*», и словосочетание «*знакомый мальчик*» обязательно сопровождалось бы неопределенным артиклем, так как в ткань повествования, в некий исчисленный пространственно-смысловой континуум вводятся новые объекты. Порядок слов (подлежащее в финальной части предложения) также свидетельствует об этом. А указательные частицы имеют значение векторности, присущее неопределенному артиклю. Очевидно, что в примерах на русском языке превалирует оценка личного знакомства с референтом, воссоздание эффекта его непосредственного наблюдения.

Таким образом, необходимо различать текстовую категорию определенности / неопределенности, демонстрируемую артиклем, и категорию определенности / неопределенности как проекцию на референт, знакомство с его индивидуализирующими признаками.

Примечания:

1. Харанутова Д.Ш., Шагдаров Л.Д. Мотивировочная основа слова как исходная семантическая модель (на примере бурятского языка) // Вестник Адыгейского государственного университета, Майкоп, 2012. Вып. 1. С.194 -201;

-
2. Щербакова Т.В. Коммуникативно-синтаксическая организация полипредикативных бессоюзных сложных предложений в художественных текстах // Вестник Адыгейского государственного университета, Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 201 -207;
 3. Кузоятова О.С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафоры // Вестник Адыгейского государственного университета, Майкоп, 2012. Вып. 1. С.147 -157;
 4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, - М., 1990.
 5. Гришем Д. Фирма: Роман; Пер. с англ. Ю.Г. Кирьяка. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 477, [3] с. – (Классическая и современная проза);
 6. Grimm H.-J., Kempter F. Kleine deutsche Artikellehre fuer Ausländer. -Leipzig, 1988.
 7. Grisham John. The Firm. Arrow, Arrow Books Limited, 1993. 490с.
 8. Grisham John. Die Firma. Roman. Wilhelm Heyne Verlag, Muenchen, 1992, 560с.
 9. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - М., 1975.

References:

1. Kharanutova D.Sh., Shagdarov L.D. A motivation basis of a word as an initial semantic model (based on the Buryat language) // The Bulletin of the Adyghe State University, Maikop, 2012. No.1. P. 194-201.
2. Shcherbakova T.V. Communicative and syntactic organization of polypredicative asyndetic compound sentences in literary texts // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2012.1, P. 201-207.
3. Kuzoyatova O.S. Basic directions in metaphor cognitive researches // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2012. No 1. P. 147-157.
4. Linguistic encyclopedic dictionary / ed.-in-chief V.N. Yartseva. M. 1990.
5. Grisham J. The Firm: Novel; Transl. from English by Yu.G. Kiryak. – М.: ООО AST publishing house, 2004. 477, [3] pp. (Classical and modern prose);
6. Grimm H. - J., Kempter F. Kleine deutsche Artikellehre fuer Ausländer. - Leipzig, 1988.
7. Grisham J. The Firm. Arrow, Arrow Books Limited, 1993. 490с.
8. Grisham J. Die Firma. Roman. Wilhelm Heyne Verlag, Muenchen, 1992, 560 pp.
9. Kondakov N. I. Logical Dictionary. M., 1975.